

Значеніе філософіи для богословія.

(Продолженіе¹⁾).

V. Вопросъ о вѣрѣ и знаніи (Славянофильство и западничество).

Сколько было споровъ между славянофильствомъ и западничествомъ, но эти споры, повидимому, ни къ чему рѣшительному не привели. Ибо та же противоположность, какая была между славянофильствомъ и западничествомъ, и доселѣ остается во всей силѣ. Между тѣмъ, казалось бы, что всякій разумно поставленный вопросъ долженъ непременно получить удовлетворительное разрѣшеніе. Если же вопросъ такого свойства, что не можетъ быть разрѣшенъ, то должно разъясниться рано или поздно, почему именно онъ не можетъ быть разрѣшенъ.

Итакъ, спрашивается, тотъ вопросъ, который былъ главнымъ предметомъ разногласій между западничествомъ и славянофильствомъ, допускаетъ ли какое-либо определенное рѣшеніе? Несомнѣнно, что западничество отстаивало науку, а славянофильство ополчалось въ защиту религіозной вѣры, а потому разногласіе относилось очевидно къ вопросу о вѣрѣ и знаніи. Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, не новый, напротивъ, очень старый. И если этотъ вопросъ постоянно вновь возникаетъ и снова требуетъ разрѣшенія, послѣ того какъ уже столь много труда положено на разрѣшеніе его, то это происходило и происходитъ не отъ того, что вопросъ неразрѣшимъ, но потому, главнымъ образомъ, что измѣнялись въ разное время понятія о вѣрѣ и знаніи, а съ тѣмъ вмѣстѣ смыслъ вопроса получался иной,—почему прежнее рѣшеніе его оказывалось недостаточнымъ. Такъ, напр., въ эпоху св. отцовъ на поста-

¹⁾ См. Труды Киевской дух. Академіи, декабрь, 1903 г.

повку и рѣшеніе вопроса о вѣрѣ и знаніи оказывала наибольшее вліяніе философія Платона. Въ средніе же вѣка, разсуждая о вѣрѣ и знаніи, подѣ именемъ знанія, науки, разумѣли главнымъ образомъ философію Аристотеля; и вотъ Оома Аквинать удомстворительно рѣшилъ вопросъ въ этомъ смыслѣ, объединивъ въ своей системѣ церковныя догматическія опредѣленія съ понятіями Аристотелевой философіи. Славянофилы у насъ понимали вѣру отчасти въ духѣ Шеллинго-Гегеліанской философіи, причемъ еще важнѣе то, что примѣняли къ вопросу о знаніи и вѣрѣ точку зрѣнія — социально-политическую. Послѣдствіемъ французской революціи, разрушившей основы средневѣковой жизни, было возбужденіе у европейскихъ народовъ стремленія къ національной самобытности. Начало національности повсюду стали признавать главнымъ основаніемъ общественно политической жизни. Понимая важность и необходимость этого начала, чтобы это начало облагородить и возвысить, философы стремились связать это начало съ идеями и задачами, имѣющими значеніе всеобщее, значеніе общечеловѣческое. Утверждали, что только та національность можетъ достигнуть важнаго значенія въ общей исторіи человѣчества, которая сдѣлается органомъ началъ общечеловѣческихъ, а главными формами сознанія и выраженія общечеловѣческихъ началъ признавались наука и искусство. Западники, слѣдуя этому теченію мысли, доказывали, что только научное и эстетическое образованіе можетъ приобщить насъ къ общечеловѣческой жизни (а такова и есть жизнь народовъ европейскихъ, какъ болѣе просвѣщенныхъ) и спасти насъ отъ закоснѣлости узкаго націонализма. Полагали, что такой именно характеръ закоснѣлости и отчужденности представляетъ собою жизнь въ древней Руси. Славянофилы указывали, какъ извѣстно, прежде всего на то, что православіе у насъ слилось съ народною жизнью, такъ что, по справедливости, мы можемъ смотрѣть на наше православіе, какъ на важнѣйшее основаніе и залогъ нашей національной

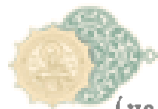
самобытности. Единственно только оно можетъ насъ спасти отъ обезличенія; это видно изъ того, что, порвавши связь съ православіемъ, какъ народною вѣрою, перестаютъ быть русскими людьми. Дѣйствительно, явленіе это совершенно противоположно тому, что мы видимъ на Западѣ. Тамъ нѣмецкій народъ, напр., обрѣлъ впервые свою національность и обезпечилъ для себя дальнѣйшее развитіе въ духѣ національности лишь послѣ того, какъ отдѣлился отъ католической церкви. Замѣчательно, что на Западѣ именно въ тѣхъ областяхъ дѣятельности, которыя имѣютъ по преимуществу значеніе общечеловѣческое, именно въ наукѣ, отчасти также въ искусствѣ, проявляется непріязненное отношеніе къ церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ вѣрѣ. Протестантство, отдѣлившись отъ католической церкви, утратило характеръ церковности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣра постепенно и здѣсь также ослабѣваетъ. Наша народная жизнь совсѣмъ инымъ характеромъ отличается въ этомъ отношеніи. Такъ какъ православіе у насъ сдѣлалось основою народной жизни, а православіе есть вѣра католическая, вселенская, слѣдовательно, имѣетъ характеръ и значеніе начала общечеловѣческаго, то явно, что именно у насъ произошло счастливое сочетаніе начала національности съ элементами общечеловѣческими. Вѣрность православію для насъ составляетъ важнѣйшую черту національнаго характера, но вмѣстѣ съ тѣмъ то же православіе предопредѣляетъ наше призваніе въ будущемъ—сохранить вѣру христіанскую въ ея цѣлости для *всего* *человѣчества*, т. е. осуществить идеалъ христіанской жизни, и этимъ путемъ привести къ единенію и взаимному согласію духовному всѣ народы, все человѣчество. Таково призваніе русскаго народа по понятіямъ славянофильства. Итакъ, оказывается, что помимо даже науки, общечеловѣческое, т. е. самое высокое и многоплодное значеніе въ общей исторіи, для нашего народа обезпечено просто тѣмъ, что онъ есть народъ православный, т. е. неизмѣнною вѣрностію его христіанскому

идеалу жизни. Необходимость научнаго просвѣщенія, по ученію славянофиловъ, этимъ не исключается, а только ставится требованіе, чтобы просвѣщеніе это согласовалось съ народнымъ православнымъ духомъ; это значить, что, заимствуя науку отъ Запада, мы должны остерегаться навязывать народу чуждыя ему понятія и идеалы, цѣликомъ взятые изъ жизни западныхъ народовъ, но терпѣливо ожидать, чтобы народъ нашъ самъ, по мѣрѣ развитія въ немъ умственной самостоятельности, наложилъ свою печать на науку и чтобы такимъ образомъ выработалось у насъ съ теченіемъ времени не только практически религіозное просвѣщеніе, которымъ, впрочемъ, народъ нашъ давно уже обладаетъ, но и научно *теоритическое*, и при томъ послѣднее въ полномъ согласіи и духовномъ единствѣ съ первымъ. Итакъ, главная задача нашего просвѣщенія, по опредѣленію славянофильства, состоитъ въ томъ, чтобы постепенно выработать *синтезъ* научнаго познанія съ религіозною вѣрою и при томъ такой синтезъ, который имѣлъ бы значеніе общечеловѣческое, а не только національное. Хотя и сами славянофилы и нѣкоторые изъ славянофильствующихъ писателей трудились надъ рѣшеніемъ этой обширной задачи, тѣмъ не менѣе рѣшеніе ея должно признать дѣломъ далекаго будущаго, ибо необходимо прежде всего подготовить тѣ данныя, на которыхъ должно опираться рѣшеніе означенной задачи. Къ такимъ даннымъ относится прежде всего вполне установившееся, ни съ какой стороны не встрѣчающее возраженій противъ себя и потому общепризнанное, пониманіе православія. Кто скажетъ, что у насъ имѣется уже такое пониманіе православія? Но это только одинъ элементъ задачи. Другой элементъ заключается въ научномъ познаніи. Но и объ этомъ предметѣ не имѣется общепризнаннаго, по всѣмъ своимъ частямъ твердо установленнаго и систематическаго, понятія. Понятіе о научномъ познаніи въ разное время измѣняется, въ зависимости отъ того, какія науки господствуютъ и опредѣляютъ собою ха-

рактерьъ просвѣщенія. Науки гуманныя заключаютъ въ себѣ много элементовъ идеальныхъ, дѣйствующихъ на духъ человѣка возвышающимъ, морализующимъ образомъ. Поэтому въ гуманитарныхъ наукахъ имѣется наиболѣе благоприятныхъ условій къ осуществленію или къ достиженію синтеза религіозности съ научнымъ просвѣщеніемъ. Передовые европейскіе народы имѣли счастье пережить трудный, но плодотворный, продолжительный періодъ гуманнаго образованія, которое настолько прочно утвердилось въ жизни и настолько углубилось въ духъ и нравы европейскаго человѣчества, что, не смотря на всю притязательность и даже злоупотребленія, которыми издавна ознаменовало себя католичество, а равно не смотря на полное отсутствіе единства и внутренняго согласія въ протестантствѣ, религіозность тамъ проявляетъ перѣдко (и въ жизни и въ литературѣ) удивительную жизненность и силу. У насъ, къ сожалѣнію, гуманное образованіе стали насаждать въ ту пору, когда на Западѣ преобладающее значеніе стало переходить на сторону естествознанія. Вслѣдствіе того, вмѣсто классицизма и у насъ естествознаніе тѣмъ болѣе должно было возобладать, что а) естественныя науки легче усвояются, по крайней мѣрѣ, для усвоенія ихъ не требуется такой высокій уровень умственныхъ дарованій, какой требуется для гуманнаго образованія; б) наша общественная,—и народная жизнь, какъ оказалось съ особенной очевидностію для всѣхъ послѣ крымской войны, до такой степени была неблагоустроена, что необходимо было немедленно приступить къ насажденію у насъ европейской культуры, причемъ главнымъ образомъ требовалось обезпечить матеріальный прогрессъ, а эта область интересовъ состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ науками естественными, которыя и прежде были, теперь же въ особенности (вслѣдствіе множества изобрѣтеній) являются коренными двигателями именно матеріальнаго прогресса. Понятно, что у насъ еще болѣе, чѣмъ на Западѣ, вліяніе естествознанія на умы должно было сдѣлаться преоблада-

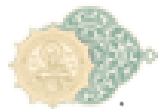
дающимъ, ибо нѣтъ у насъ такихъ традицій въ области научнаго просвѣщенія, такого наслѣдства, которое сколько-нибудь уравновѣшивало бы это вліяніе.

И вотъ, въ силу этого вліянія, вопросъ о вѣрѣ и знаніи опять получаетъ новый видъ. Теперь этотъ вопросъ подлежитъ разсмотрѣнію не съ точки зрѣнія *соціально-политической*, а съ точки зрѣнія *естественно-научной*. Не объ отношеніи между національнымъ и общечеловѣческимъ теперь можетъ быть споръ и разногласіе (какъ у славяноф. и западниковъ), а объ отношеніи между *естественнымъ* и *сверхъестественнымъ*. Все естественное отходить въ область научнаго познанія и изслѣдованія, а сверхъестественное—это предметъ вѣры. Наука, говорятъ, ничего сверхъестественнаго не знаетъ и не признаетъ. Поэтому вѣра въ сверхъестественное лежитъ внѣ научной области и ничего общаго съ наукою не имѣетъ: вѣра въ сверхъестественное съ точки зрѣнія, такъ называемаго, научнаго, т. е. позитивнаго міровоззрѣнія, есть наслѣдство отъ тѣхъ далекихъ временъ, когда науки въ собственномъ смыслѣ не было, когда научныхъ знаній о природѣ, вообще о естественномъ порядкѣ вещей, не существовало; выходитъ, что вѣра въ сверхъестественное есть не что иное, какъ суевѣріе, которое рано или поздно должно исчезнуть и уступить мѣсто знанію. Чтобы видѣть, насколько подобное разсужденіе пусто и неосновательно, слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе на то, существуетъ ли у насъ твердо установленное и безспорное понятіе о естественномъ, да и есть ли это дѣло естествознанія вырабатывать понятія о естественномъ и сверхъестественномъ, не есть ли это скорѣе—задача философіи? Дѣйствительно естествознаніе также имѣетъ свою философію, состоящую въ изслѣдованіи основныхъ понятій, употребляемыхъ въ естествознаніи. Таково, напр., понятіе о законахъ природы. Прежде естественное опредѣлялось, какъ согласное съ законами природы, а сверхъестественное было понимаемо, какъ противорѣчащее законамъ природы

(напр., чудеса). Но самое понятіе о законахъ природы при этомъ оказывалось проблематическимъ и возбуждавшимъ сомнѣніе. Не въ томъ дѣло, что нельзя утверждать будто науки извѣстны всѣ законы природы, и кажущееся противорѣчащимъ законамъ природы можетъ оказаться затѣмъ вполне естественнымъ и существующимъ или происходящимъ по нѣкоторому закону природы. Но то важно, можно ли признать понятіе о законахъ природы пограничнымъ понятіемъ, далѣе котораго научное объясненіе не должно восходить? Здравый смыслъ говоритъ, что если понимать законы природы какъ правила, по которымъ происходятъ явленія природы, а такъ обыкновенно понимаются они, то совершенно немыслимо, чтобы законы природы сами по себѣ и чрезъ себя существовали, т. е. имѣли бы не условное, а безусловное значеніе. Если природа слѣдуетъ извѣстнымъ правиламъ, то должна быть причина, которая установила и сохраняетъ эти правила. И причина эта, какъ стоящая выше правилъ или законовъ природы, должна быть сверхъестественная. Здѣсь естествонаучная философія наталкивается на такую же непреодолимую для нея трудность, съ какою пришлось имѣть дѣло философіи послѣ-Кантовской въ отношеніи противоположности установленной Кантомъ между вещью въ себѣ и явленіями. Только явленія познаваемы. Однако необходимо допустить вещь въ себѣ, т. е. то, что лежитъ за предѣлами явленій и что поэтому не познаваемо. Такъ же тѣсно связано съ понятіемъ естественнаго понятіе о сверхъестественномъ; послѣднее для перваго служить необходимою границею. Чтобы устранить трудность, соединенную съ пониманіемъ законовъ природы, какъ правилъ, другіе иначе опредѣляютъ законъ природы. Говорятъ, что законъ природы это *однообразіе*, съ одной стороны, въ порядкѣ слѣдованія явленій, а съ другой—въ ихъ совмѣстности,—однообразіе, *не отдѣлимое* отъ самихъ явленій, какъ фактъ установленный на основаніи наблюденія и опытнаго изученія явленій природы: само же по себѣ взятое,

однообразіе въ порядкѣ и сочетаніи явленій есть понятіе абстрактное и слѣд. *субъективное*. Мы знаемъ только, что явленія природы происходятъ обыкновенно въ такомъ порядкѣ, или въ такомъ, а не иномъ сочетаніи, но мы не можемъ утверждать, что тѣ же явленія, ни при какихъ условіяхъ, не могутъ происходить въ иномъ сочетаніи, и въ иномъ порядкѣ. Это понятіе о законахъ природы еще болѣе благопріятствуетъ допущенію сверхъестественнаго на ряду съ естественнымъ. Въдъ сверхъестественное, согласно съ указаннымъ сейчасъ пониманіемъ законовъ природы, будетъ состоять лишь въ иномъ порядкѣ и въ иномъ сочетаніи явленій, въ сочетаніи отличномъ отъ обыкновеннаго; а возможность иного порядка и иного сочетанія явленій, какъ сказано, не должна быть отрицаема. Въ употребленіи понятія о законахъ природы естествознаніе теперь менѣе притязательно и отличается большею скромностію сравнительно съ прежнимъ временемъ. Но что касается метода изслѣдованія, то попрежнему не придается никакого значенія умозрительному методу, а въ связи съ тѣмъ отрицается метафизическая философія. Также и въ отношеніи явленій душевной жизни человѣка единственно годнымъ научнымъ методомъ считается опытное, даже экспериментальное изслѣдованіе. Предполагается, что единствомъ метода утверждается и обеспечивается единство науки. Но существуетъ ли на самомъ дѣлѣ это единство, и возможно ли оно? Нельзя скрыть того, что глубокое различіе существуетъ между естествознаніемъ, съ одной стороны, и исторіей человѣчества—съ другой. Различіе это не въ томъ состоитъ, что содержаніе исторіи составляютъ будто бы единичные факты, отдѣльные предметы, событія, а содержаніемъ абстрактныхъ естественныхъ наукъ служатъ общія отношенія явленій. Исторія не ограничивается описаніемъ, но и выражаетъ оцѣнку, для чего необходимы *нормы*. А откуда взять эти нормы. Только умозрительная философія въ состояніи научнымъ образомъ, путемъ изслѣдованія, устанавливать поня-

тія, имѣющія значенія нормъ. Къ числу этихъ понятій относятся и понятія о сверхъестественномъ,—тѣ понятія, къ рациональному обоснованію которыхъ сдѣлана выше слабая попытка. Впрочемъ, элементъ вѣры необходимъ и въ наукѣ, именно вѣра въ *истину* (постулатъ разума по Канту). Ограничиваютъ научное познаніе простымъ описаніемъ фактовъ и формулами, выражающими постоянное ихъ повтореніе. Въ такомъ случаѣ наука не можетъ руководить поведеніемъ человѣческимъ, а это должно быть предоставлено вѣрѣ.

Вопросъ о вѣрѣ и знаніи есть теоретическій и слѣдовательно касается теоретической стороны религіозной вѣры, именно отношенія ея къ *наукѣ*. Много было опытовъ согласенія разныхъ пунктовъ вѣроученія христіанскаго съ научными положеніями. Но несравненно важнѣе разрѣшенія въ примирительномъ духѣ частныхъ вопросовъ установить принципъ необходимости религіозной вѣры, именно вѣры въ бытіе сверхъестественнаго съ точки зрѣнія научной. Въ нашемъ трактатѣ о вѣрѣ въ сверхъестественное сдѣланъ опытъ рѣшенія этого вопроса. Выводъ, къ которому приводитъ этотъ опытъ разъясненія необходимости религіозной вѣры, есть тотъ, что какія бы дальнѣйшія измѣненія ни были испытаны наукою, какъ бы ни расширилась область научныхъ знаній, никогда наукою не будетъ упразднена необходимость религіозной вѣры, какъ многіе полагаютъ, ибо основаніе религіозной вѣры заключается въ существѣ человѣческаго разума. Выше показано, что и новѣйшее естествознаніе своими изслѣдованіями только яснѣе даетъ видѣть эти основанія, заключающіяся въ трехъ началахъ, каковы *бытіе*, *жизнь* и *разумъ*. Последнее начало важно особенно въ томъ отношеніи, что гуманныя науки, будучи раскрытіемъ разума человѣческаго, чрезъ него приходятъ въ связь съ естествознаніемъ, почему и самый вопросъ о связи вѣры и знанія подлежитъ двоякому освѣщенію: съ точки зрѣнія естествознанія, которое, на основаніи теоріи эволюціи, пытается заполнить пропасть, раздѣляющую разумъ отъ неразумнаго, живое отъ мертваго,

но какъ мы видѣли тщетно,—и далѣе,—съ точки зрѣнія гуманныхъ наукъ, а какъ начало таковымъ было положено въ классической древности, то слѣдовательно главнымъ образомъ съ точки зрѣнія классицизма. Извѣстно, что въ эпоху возрожденія классицизма, въ особенности въ Италіи, произошло сліяніе христіанскихъ вѣрованій съ чисто классическими языческими идеалами. Съ тѣхъ поръ ведетъ свое начало то предположеніе, что и самое происхожденіе христіанства условливалось синтезомъ древне-греческой философіи съ іудейскими вѣрованіями. Но это предположеніе устраняется просто тѣмъ, что, съ одной стороны въ греческой философіи ярко проявились свойства человѣческаго разумнаго духа,—почему гуманизмъ составляетъ существо этой философіи; съ другой же стороны, сверхъестественное откровеніе, которое постепенно раскрывалось въ ветхозавѣтной исторіи, и затѣмъ достигло наибольшей полноты въ *новомъ Завѣтѣ*, также согласовалось съ существенными свойствами человѣческаго духа, какъ это иначе и быть не могло. Но замѣчательно притомъ, что сверхъестественное откровеніе, составляющее предметъ и содержаніе священной исторіи, чище, совершеннѣе и въ большей полнотѣ сравнительно съ классической философіей раскрыло идею человѣческаго разумнаго существа и жизни соответственной истинному назначенію человѣка. Дѣйствительно Богъ Отецъ въ Ветхомъ Завѣтѣ именуется просто *Сущимъ, Вѣчнымъ*. Согласно съ этимъ по новозавѣтному откровенію ученію человѣкъ предназначенъ жить для вѣчности и къ Вѣчному долженъ устремлять всѣ свои помыслы и попеченія, дѣлая мысль о вѣчности центральною мыслію всей своей жизни и все временное подчиняя этой мысли (не печетесь... Собирайте сокровища на небеси; смотрите на птицъ... горная мудрствуйте, а не земная), и самая главная молитва христіанина должна быть молитвою къ Отцу небесному. (И у языческихъ философовъ небо было символомъ вѣчности). Второе лицо Пресвятыя Троицы и второй образъ сверхъестественнаго откровенія есть *Логосъ, Сынъ Божій*, предвѣчное

Слово. Выраженіемъ его для христіанина служить Евангельское *ученіе*. И у грѣческихъ философовъ мы находимъ ученія о жизни; но евангельское ученіе *создало* новую жизнь въ челоѣчествѣ, и такимъ образомъ не осталось однимъ лишь ученіемъ, но является въ исторіи челоѣчества, какъ *новая жизнь, новый духъ*; поэтому окончательно это ученіе было утверждено и получило силу закона новой духовной жизни чрезъ изліяніе духа на послѣдователей и провозвѣстниковъ въ челоѣчествѣ новой жизни. Тѣмъ неяснымъ положеніемъ, что христіанство есть фактъ историческій, имѣлось въ виду, должно полагать, выразить ту мысль, что христіанское ученіе создало новую жизнь, явилось въ исторіи, какъ сила творческая, отъ которой получаетъ начало новая жизнь челоѣчества. Въ этой творческой силѣ христіанской вѣры, и въ той непреодолимой силѣ убѣжденія, съ какою противостояли послѣдователи новой вѣры вѣмъ историческимъ началамъ прежняго времени, воздвигшимъ борьбу противъ нихъ, съ наибольшою силою открывается сверхъестественный характеръ новаго ученія, новой **религіозной вѣры**. Созданіе новой жизни выразилось учрежденіемъ церкви, какъ особаго органа развитія новой жизни, прежде не существовавшаго въ такомъ видѣ. Въ виду этого, для полноты разсмотрѣнія вопроса объ основаніяхъ религіозной вѣры, заключающихся въ разумномъ существѣ челоѣка, необходимо подвергнуть анализу понятіе о сущности религіозной вѣры еще со стороны практической. Съ этой стороны особаго вниманія заслуживаетъ вопросъ о свободѣ совѣсти, который такимъ образомъ слѣдуетъ разсматривать въ связи съ вопросомъ о церкви. Единство теоретической и практической сторонъ религіозной вѣры въ настоящемъ случаѣ выражается въ томъ, что понятіе о свободѣ совѣсти прямую связь имѣетъ съ отношеніемъ вѣры къ знанію. Условіемъ успѣшнаго развитія науки справедливо признается *свобода изслѣдованія*. Прилагая то же требованіе и къ области религіозной вѣры приходятъ къ понятію о свободѣ совѣсти. Но вѣдь дѣломъ научнаго изслѣдо-

ванія могутъ заниматься и занимаются только немногіе. А вѣра религіозная необходима для всѣхъ и составляетъ насущную потребность въ особенности для тѣхъ, которые научнымъ изслѣдованіемъ вовсе не занимаются. Поэтому требованіе свободы совѣсти далеко не такъ просто, какъ многимъ кажется; оно можетъ быть понимаемо различно, обнимать собою интересы совѣтъ разнородные, и потому вопросъ о свободѣ совѣсти требуетъ внимательнаго обсужденія.

И Дитинскій.